

Н.П. Дашкевич

Рыцарский эпос в Италии после Ариосто.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.П. Дашкевич**
Рыцарский эпос в Италии после Ариосто. / Н.П. Дашкевич – М.: Книга по Требованию, 2021. – 243 с.

ISBN 978-5-4241-5530-7

ISBN 978-5-4241-5530-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Га:
кши
на
ли
ро р
ане
нго
атс:
ром
лне
ма:
ссо
ей
оим
ови
едг
ак:
ъ
ап
ий
ля
бр
ден
тич
зи
опи

Рыцарскій эпосъ въ Италиі поелѣ Аріосто.

Аріосто сообщилъ новую и особую привлекательность сказаніямъ, вышедшимъ изъ Каролингскаго эпоса, и вслѣдъ за „Неистовымъ Роландомъ“ съ 1517 г. явилось множество романическихъ поэмъ того же цикла. Авторы ихъ пошли за Аріосто по торной дорогѣ въ фантастическій міръ вымысловъ, въ которомъ одновременно съ небывалыми войнами христіанъ съ сарацинами имѣли мѣсто различныя рыцарскія и любовныя приключенія. Поэты такого направленія повѣствовали на разные лады,

.....come saracini
Orlando mandi,..a Rinaldo guanti
...come caminando i palatini
trouasson per le siepe i gran Giganti
...come errando fuor di lor confini
andar gia molti caualier erranti.
....e chi le carte empi de sogni
per cui conuè ch'el vulco erâte agogni ¹⁾.

Эти поэмы представляли либо распространеніе и продолженіе сказаній, переданныхъ Аріосто и его ближайшимъ предшественникомъ Боярдо, либо эпизодическую разработку сказаній объ отдѣльныхъ личностяхъ того Каролингскаго эпоса, который сложился въ Италиі. Вмѣстѣ съ тѣмъ поэма Аріосто подверглась многочисленнымъ передѣлкамъ, приспособленіемъ и сокращеніямъ въ народѣ и для народа. Словомъ, чудная фантастика Аріосто произвела необычайное впечатлѣніе на народное

¹⁾ *Troiano il qual tratta la destrutione de Troia, per amor di Helena grecha la qual fui tolta da Paris Troiano al Re Menelao. Et come per tal destrution fu edificata Roma, Padova, e Verona et molte altre Cittàde in Italia, per Enea Troiano come intenderai. Con molte altre diuerse historie da molti Autori descrite. In Venetia, M. D. LXXXVII. Canto primo.* Мы пользовались экземпляромъ Парижской Націон. бібліотеки У. 3549. В. Объ этомъ произведеніи см. Joly, Benoit de Sainte More et le Roman de Troie etc., Par. MDCCCLXXI, t. II, p. 516—517.

воображеніе, и франко-итальянская рыцарская эпика продолжала пользоваться весьма широкою извѣстностью въ Италіи, интересуя и высшее образованное общество и низшіе слои народа.

Ни одно изъ произведеній этой эпики, вызванныхъ „Неистовымъ Роландомъ“, не только не поравнялось съ поэмой Феррарскаго пѣвца, но даже не приблизилось къ ней. Подобно „Божественной комедіи“, созданіе Аріосто осталось единственнымъ въ своемъ родѣ. Оно отличалось вполне своеобразнымъ и въ высшей степени удачнымъ соединеніемъ серьезности (а по мѣстамъ и трагизма) съ юморомъ въ изображеніи рыцарства. Послѣдующее творчество не представило такого сочетанія этихъ началъ. Литературное теченіе, приведшее къ появленію „Неистоваго Роланда“, вновь раздвоилось. Съ одной стороны началось рѣшительное преобладаніе бурлеска, а съ другой обнаруживалась склонность къ серьезному и идеалистическому изображенію рыцарства. Болѣе рѣзкія выраженія этихъ направленій для насъ въ особенности интересны, и мы остановимся на нихъ.

Шутливая рыцарская поэма уже въ XV стол. стала крупнымъ явленіемъ итальянской литературы. Въ XVI в. продолжалось каррикатурное подражаніе рыцарскимъ романамъ и насмѣшливое отношеніе къ средневѣковому творчеству. Годъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ „Orlando Furioso“ появились 17 пѣсень *Macaroneae* Т. Фоленго (въ 1517 г.), который можетъ быть поставленъ во главѣ итальянскихъ сатирическихъ романистовъ XVI в.¹⁾ Потому Фоленго должно принадлежать первое мѣсто въ нашемъ обзорѣ рыцарской и противорыцарской итальянской эпики XVI в.

Фоленго замыслилъ и началъ свою знаменитую поэму о Бальдѣ еще въ годы студенчества въ Болоньѣ (1511—1512), когда былъ ученикомъ Помпонацци. Молодые пріятели Фоленго встрѣтили весьма сочувственно его первыя произведенія и подали ему идею новой поэмы объ отважномъ Бальдѣ. Поэтъ долженъ былъ изобразить въ ней съ фантастическими преувеличеніями шумный мірокъ ихъ, проказы и приключенія буйныхъ юношей. Начавъ поэму, Фоленго вдохновлялся похождениями лицъ, дѣйствительно существовавшихъ. Прототипомъ главнаго героя поэмы послужилъ одинъ Мантуанецъ (землякъ Фо-

¹⁾ Родился въ 1496 г. Новѣйшая монографія о Фоленго, принадлежащая Luzzio, помѣщена въ *Giorn. storico della letter. italiana*, vol. XIII (1889), подъ заглавіемъ «Nuove ricerche sul Folengo».

ленго) изъ фамиліи Donesmondi, Болонскій студентъ, силачъ, смѣльчакъ и непосѣда, собравшій около себя толпу подобныхъ же отважныхъ юношей и рано сдѣлавшійся жертвою своей неутомности ¹⁾. Такъ возникли первыя *Maccheroniche*. Постепенно онѣ разрастались и въ 1517 г. явились въ печати безъ вѣдома автора, вступившаго въ декабрѣ 1512 г. въ монастырь послѣ печальной развязки похождения Donesmondi. Дѣйствительное имя автора поэмы о Бальдѣ было скрыто псевдонимомъ Merlinus Cosajus. Въ 1521 г. поэма вышла въ полномомъ видѣ—въ 25 глѣнахъ. На печатаніе этого изданія авторъ долженъ былъ согласиться по неволѣ,—потому, что книгопродавецъ помимо его получилъ одинъ изъ рукописныхъ экземпляровъ, распространившихся по неосторожности насмѣшливаго монаха. Редакція 1521 г. представляетъ значительныя отмѣны по сравненію съ изданіемъ 1517 г. Она отличается большею полнотою и художественностію отдѣлки и не ограничивается воспроизведеніемъ безпорядочнаго житія Болонскаго студенчества, а заключаетъ также язвительнѣйшую сатиру на монашескую братію, въ сонмъ которой вступилъ Фоленго послѣ веселаго студенческаго житія. Авторъ и въ стѣнахъ монастыря видимо съ любовію возвращался къ первому наброску и постоянно передѣлывалъ его и пополнялъ.

Это произведеніе Фоленго представляетъ собою длинную поэму въ макароническихъ стихахъ. Герой ея Baldus—знатнаго рода valenthominus barone,

Quo non Hectorior, quo non Orlandior, et quo
Non tulit in spalla portas Sansonior alter ²⁾.

Бальдъ былъ сынъ храбраго рыцаря (потомка Ринальдо) и дочери французскаго короля, бѣжавшихъ въ Италію. Мать Бальда умерла тотчасъ же послѣ его рожденія, отецъ удалился, и мальчикъ былъ воспитанъ добрымъ поселяниномъ, благородно пріютившимъ бѣглецовъ. Выучившись читать, Бальдъ набросился съ особой охотою на рыцарскія книги и пламенно пожелалъ подражать Роланду, подобно

¹⁾ Ibid., 167—168. Объ этомъ говоритъ самъ Фоленго въ сдѣлавшемся недавно известнымъ изданіи,—единственномъ, которое было имъ одобрено. Л. с., 162—163 и 159. Доселѣ это изданіе считалось безслѣдно погибшимъ.

²⁾ Подобное выраженіе указываютъ уже въ *Сатина Вирана*, гдѣ нашли *Codro codrior*, напоминающее Плавтово *rognis punitior*.

которому держалъ себя въ играхъ и дракахъ съ мальчиками¹⁾. Онъ оказался необузданнымъ проказникомъ и однажды убилъ бездѣльника пытавшагося сдержать его. Толпа сыщиковъ хочетъ арестовать Бальда, но знаменитый Сордельо Мантуанскій²⁾, восхищенный бойкостью мальчика, беретъ его къ себѣ и воспитываетъ въ качествѣ пажа. Сордельо обучаетъ питомца рыцарскимъ искусствамъ, но, выросши, Бальдъ ведетъ себя не по-рыцарски и становится во главѣ забіякъ и бродягъ. Главные члены его шайки великанъ Фракассъ (потомокъ Морганта), Cingar (цыганъ)—воръ и обманщикъ изъ рода Маргутта—и Frascchetto—получеловѣкъ и полусобака, напоминающій Pulicane въ Buovo d'Antona³⁾. Продѣлки этой дурачащейся компаніи вынуждаютъ къ принятію мѣръ противъ нея. Бальдъ попадаетъ въ ловушку, мужественно защищается, но все-таки его берутъ и отводятъ въ заключеніе въ Мантую. Вѣрные сподвижники Бальда готовы сдѣлать все для освобожденія его. Наиболѣе сметки проявляетъ плутъ Cingar, который на время выдвигается на первое мѣсто въ поэмѣ. Онъ неистощимъ въ разнаго рода выдумкахъ. Слѣдуетъ рассказъ о шуткахъ, хитростяхъ и изворотахъ, къ которымъ прибѣгалъ Cingar для осмѣянія и одураченія враговъ Бальда, крестьянъ, судей, а также полицейскихъ, солдатъ, монаховъ, и для освобожденія пріятеля. Повѣствованіе обо всемъ этомъ даетъ автору поводъ нарисовать цѣлый рядъ быстро смѣняющихся весьма наглядныхъ и полныхъ сатиризма и выразительной реальности картинъ народной жизни въ разныхъ проявленіяхъ ея. Поэтъ выставляетъ полуживотныя качества виллановъ и отъ лица Cingar-а зло смѣется надъ религіозными корпораціями, которыя стали пріютомъ отребья и тунеядцевъ. Во множествѣ частныхъ онъ выказываетъ глубокое знакомство съ жизнью

1) Эта часть поэмы обнаруживаетъ вліяніе принадлежащаго къ Каролинскому циклу сказанія о любви Милона и Берты и о дѣтствѣ Роланда. Существуетъ нѣсколько изданій готическимъ шрифтомъ *Innamoramento de Melone e Berta e come nacque Orlando et de sua pueritia*.

2) Очевидно тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Данте,—авторъ *Finsenhamen d'onor*, недавно изданнаго Palazzi [Le poesie inedite di Sordello, Venez. 1887; рец. Schultz-a въ Zeitschr. f. roman. Philologie XII (1888), 270—275]. Впрочемъ, относительно того, кого разумѣть подъ Сордельо, упомянутымъ у Данта, существуетъ разногласіе. См. Rivista di filologia romanza, vol. I, fasc. III, p. 198.

3) Русскій Полканъ. См. статью А. Н. Веселовскаго въ Истор. р. словесности *Галахова*, I, 458 и слѣд. Ср. у А. И. Кирпичникова: Поэмы Ломбардскаго цикла, М. 1873, стр. 8—9.

своей родины, деревни Cirada и города Мантуи; видимо пишетъ съ натуры и соблюдаетъ мѣстный колоритъ даже въ языкѣ, что сообщало удивительную живость позднѣйшимъ обработкамъ *Maccheroniche*. — Переодѣвшись монахомъ, Cingar успѣваетъ, наконецъ, освободить Бальда. Бальдъ и его дружина садятся на корабль. Начинается продолжительное путешествіе, во время котораго герои Фоленго испытываютъ множество неожиданныхъ приключеній. Въ повѣствованіи объ этихъ приключеніяхъ причудливо смѣшиваются легендарныя и романтическія мотивы съ подробностями, характеризующими тогдашнюю современность (пираты, cortigiane). Бальду пришлось побывать на седьмомъ небѣ, дважды выслушать прорицанія о будущемъ, прожить нѣкоторое время на заколдованномъ островѣ, раздѣлываться съ колдуньями—meretrice¹⁾, сражаться съ дьяволами и пиратами. Поэма заканчивается посѣщеніемъ ада, въ который мужественно проникаютъ наши герои. Въ первой изъ подземныхъ странъ они встрѣчаютъ мудреца и пророка Merlinus Cosajus, имя котораго какъ бы не нарочно совпадаетъ съ именемъ знаменитаго волшебника Артуровскихъ романовъ²⁾. Въ одной изъ пещеръ, которая носитъ названіе „phantasiae domus“, пребываютъ

.....grammaticæ populi, pedagogaque proles:
Argumenta volant dialectica; mille sophistæ
Adsunt bajanæ, pro, contra, negoque proboque.

Затѣмъ въ большой тѣквѣ неустрашимые бойцы находятъ поэтовъ и астрологовъ, ложью снискивающихъ себѣ хлѣбъ при дворахъ. Здѣсь авторъ разстается съ Бальдомъ, предоставляя другому поэту воспѣть побѣду Бальда надъ Люциферомъ и возвращеніе витязя изъ ада³⁾.

¹⁾ Одна изъ нихъ напоминаетъ древнюю Цирцею.

²⁾ Фоленго такъ объясняетъ въ поэмѣ о Бальдѣ этимологию прозвища Merlinus Cosajus:

Mox fuit apparsum toto miracol in orbe,
Quale aiunt magno quondam evenisse Platoni,
Quem pecchie dulci civabant melle putinum:
Sic quoque quottidie passabat nigra frequenter
Merla Padum, portans infanti pabula becco,
Qua propter nomen Merlini venit ab inde,
Motivumque frequens coepit celebrari illud,
Merla Padum passat propter nutrire Cosajum.

Merla—черный дроздъ. Интересно сопоставить эти слова Фоленго съ провинціальной поговоркой: la Merla ha passato il Po (миновало время счастья).

³⁾ Исхожденіе въ адъ предпринимали нѣкоторые рыцари задолго до Бальда. См., напр., Storia di Ugone d' Alvernia, изд. Zambrini и Vacchi della Lega (Bol. 1882), Scelta, CLXXVIII и CXC);

Даже представленное краткое изложение истории возникновения поэмы Фоленго и содержания ее можетъ показать, изъ какихъ разнообразныхъ элементовъ сложилось это бурлескное произведение, не ограничивающееся пародированіемъ рыцарства и его повѣствованій. Нельзя не согласиться отчасти съ Capello, который, развивая и дополняя мнѣніе de Sanctis, усматриваетъ въ поэмѣ Фоленго широкую и серьезную тенденцію. Онъ видитъ въ Бальдѣ неукротимый чело-вѣчскій духъ, устраняющій всякія стѣсненія, а въ особенности препоны со стороны религіозныхъ суевѣрій, сокрушающій адскія пугала и самый адъ. По мнѣнію Capello, поэма о Бальдѣ—„остроумнѣйшая сатира на условія соціальной и религіозной жизни въ началѣ XVI в., который, въ особенности въ низшихъ слояхъ народа, былъ еще цѣлкомъ пропитанъ средневѣковыми недостатками; и въ тоже время *Baldus*—торжественное заявленіе новыхъ, или обновленныхъ, правъ разума, который въ обществѣ и въ современной наиболѣе популярной литературѣ находилъ себѣ наиболѣе пригоднаго представителя въ рыцарѣ, защитникѣ права и свободной мысли, всегда и въ особенности не терпящемъ грубости причудливыхъ мѣстныхъ законовъ“¹⁾. Принимая это мнѣніе, мы не находимъ возможнымъ лишь согласиться со взглядомъ Capello на отношеніе Фоленго къ рыцарству и признаемъ долю справедливости и въ мнѣніи другихъ историковъ итальянской литературы, между прочимъ и новѣйшаго²⁾, которые, считая существенной нотой поэмы Фоленго пародію и смѣхъ надъ всѣмъ, конечнымъ результатомъ поэмы полагаютъ осмѣяніе рыцарства. Нельзя утверждать вмѣстѣ съ Capello, что произведенію Фоленго присуще лишь въ частностяхъ юмористическое отношеніе къ рыцарству въ лицѣ Бальда и его дружины. Въ поэму Фоленго вошло не мало ска-

---

Renier, La discesa di Ugo d'Alvernia allo Inferno, Bologna 1883 (Sc. di cur. lett., disp. CXCIV), и статью *Graf-a*: «Di un poema inedito di Carlo Martello e di Ugo conte d'Alvernia». Cf. Ztschr. f. rom. Philol., III, 620; XI, 158—159; Romania II, 57; IX, 508. О Падуанскожъ манускриптѣ Ugo di Alvernia—въ приложеніи къ статьѣ Крешини объ Orlando (см. ниже). См. еще Rajna, Le origini etc, 236—237. Поэма *Carlo Martello et Ugo Conte Dalvernia* была напечатана въ 1506 г. въ Венеціи и въ 1507 г. въ Миланѣ.

¹⁾ Storia della letteratura italiana nel secolo XVI, Milano 1880, p. 178 Рец. на эту книгу: Топраки—въ Giornale di filol. romanza № 8 (vol. IV, 117—122) и въ Ztschr. f. Vergleich. Literaturgeschichte und Renaissance-Litteratur, N. F., I, 116—117.

²⁾ *Gaspary*, Gesch. der Italienischen Literatur, Zweiter Band, Berl. 1888, 522, 525.

заній рыцарскихъ поэмъ ¹⁾, и въ передачѣ этихъ эпизодовъ макароническій поэтъ XVI в. возвратился къ той манерѣ, которой придерживался Пульчи въ эпизодѣ о Маргуттѣ. Если Фоленго пользовался приемами народнаго или полународнаго эпоса ²⁾, то не спроста: вѣдь онъ такъ не долголюбивалъ простонародья! Не даромъ обратился онъ и къ макаронической рѣчи, которая усилила разящій контрастъ напыщеннаго эпического тона и несоотвѣтственнаго содержания: въ предшествовавшей Фоленго макаронической поэзіи также имѣло мѣсто комическое сопоставленіе изображаемыхъ ею лицъ съ героями рыцарскихъ поэмъ ³⁾. Въ связи со всѣмъ этимъ не надо забывать, что Бальдъ, рыцарь знатнаго происхожденія, не только въ дѣтствѣ и ранней юности витаетъ въ низменной обстановкѣ и чудесить (эти юношескія продѣлки не помѣшали бы ему быть истинно доблестнымъ рыцаремъ, какъ не помѣшали и другимъ героямъ считаться истинно доблестными рыцарями ⁴⁾); онъ и позднѣе не только рыцарь разума, правды и отечества (*campio rationis, iustitiae, fidei, patriae*), какъ называетъ его отецъ, но и *tabolae rotundae*; а къ этому братству круглаго стола принадлежать не исключительно чистокровные рыцари; къ нему принадлежать одновременно и такія личности, какъ симпатичный энтузіастъ, испанецъ Леонардо, и такія какъ плуть Сingar. Бальдъ—членъ вольницы, не знающей рыцарскаго этикета и рыцарской любви, не уживающейся съ ограниченностію людей, стоящихъ за обычную мораль и законность. Изображеніе этой воль-

¹⁾ Отмѣтимъ, между прочимъ, эпизоды, напоминающіе *Guerino il Meschino*, знаменитый и весьма популярный народный романъ *Andrea dei Magnabotti*.

²⁾ См., напр., бой Бальда съ дьяволами, во время котораго герой вмѣсто оружія употребилъ *Belzebub-a*; ср. въ нашихъ былинахъ помахиваніе татариниомъ.

³⁾ Вспомнимъ, напр., солдата *Guiotto*, который мужествомъ своимъ напоминаетъ *Uggieri il Danese*; у него была шпага

*Quam Durindane poteris pensare sororem,
Quam vix triginta possent de terra levare.*

Фоленго считалъ *Odassi* самымъ знаменитымъ своимъ предшественникомъ. О началѣ макаронической поэзіи см. въ статьѣ *Rossi*: «Di un poeta maccheronico e di alcune sue rime italiane» въ *Giorn. stor. della lett. ital.*, vol. XI (1888), fasc. 31—32; въ моногр. *F. Gabotto e D. Barella*, *La poesia maccaronica e la storia in Piemonte sulla fine del secolo XV*, Torino 1888; въ моногр. *Zannoni*: *I precursori di Merlin Cocai*. Città di Castello, S. Lapi, 1888; и въ обширной рецензіи на эту монографію, помѣщенной въ *Giorn. stor. etc.*, vol. XII. fasc. 36.—Зародыши макаронической поэзіи находятъ въ произведеніяхъ голіардовъ, новѣйшая монографія о которыхъ—*Gabrielli*: *Su la poesia dei Goliardi*, Città di Castello, 1889.

⁴⁾ См., напр., ниже въ изложеніи содержанія англійскаго романа о *Red Rose Knight*.

ницы введено въ широкія рамки осмѣянія средневѣковой рутинѣ, которую авторъ находитъ всюду, даже въ средѣ представителей интеллигенціи. Наконецъ, истинный смыслъ загадочной поэмы Фоленго освѣщается сопоставленіемъ ея съ однородными и родственными произведеніями другихъ литературъ, въ особенности съ знаменитымъ сатирическимъ романомъ современника Фоленго, Рабле, который, по нашему мнѣнію, выработалъ идею своего произведенія не безъ вліянія Фоленго ¹⁾, сроднаго ему по духу и отчасти также по внѣшнимъ обстоятельствамъ жизни. Поэма Фоленго представляется намъ смѣлымъ и оригинальнымъ литературнымъ построениемъ въ родѣ тѣхъ, какими выдается первая половина XVI в. Рыцарь Фоленго, во имя доблести и справедливости смѣло идущій на встрѣчу всѣмъ препятствіямъ и не мирящийся съ окружающей обстановкою, не Донъ-Кихоть ²⁾, не представитель только отживающихъ возрѣній; отвага его, на которую указываетъ самое имя его, — молодецкая отвага вождя новаго движенія, съ юношескою неопытною вѣрцаго въ безграничность своихъ силъ, смѣло идущаго на встрѣчу адской тьмѣ, во главѣ которой стоитъ тьма разума.

Если справедливо наше истолкованіе значенія поэмы о Бальдѣ, то слѣдуетъ признать, что Фоленго возвеличивалъ не обычное рыцарство въ личности Бальда, а какое-то иное — рыцарство будущаго. Что Фоленго не удовлетворялся обычнымъ рыцарствомъ, видно и изъ отношенія его къ послѣднему въ другихъ произведеніяхъ. По мнѣнію самого Сапелло, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній Фоленго имѣлъ въ виду осмѣяніе наклонности къ любовной идилліи и любовной изнѣженности, пародированіе любовныхъ канцонъ (*Zanitonella*) и осмѣяніе рыцарскихъ романовъ (*Moschei-*

¹⁾ Мы пришли къ этому выводу независимо отъ *P. Stapfer*-а, съ книгою котораго о Рабле (*Rabelais, sa personne, son génie, son oeuvre*, Par. 1889; см. р. 389—392) мы ознакомились потомъ.

²⁾ Къ сожалѣнію, мы не могли ознакомиться со статью *Zumbini: Folengo prescurso ge del Cervantes*, помѣщенной въ *Napoli letteraria* 3 января 1885 г. Проводя параллель между Фоленго и Сервантесомъ, можно бы указать, между проч., на то, что оба поэта вывели героевъ своихъ изъ деревушки, которая имѣла то или иное значеніе въ ихъ жизни и которую они хотѣли помянуть не добромъ. У Фоленго такою деревушкою является *Cirada*, у Сервантеса одна деревушка въ *Ла-Манчѣ*. Предполагать, что Сервантесъ потерялъ однажды непріятность отъ жителей послѣдней и въ знакъ своего негодованія не захотѣлъ ее назвать въ начальнымъ строкахъ своего знаменитаго романа: «*En un lugar de la Mancha, de cuyo nombre no quiero acordarme, no ha mucho tiempo que vivía un hidalgo*»....

de) ¹⁾. Равнымъ образомъ и поэма *Orlandino* ²⁾ была не притворнымъ лишь, а дѣйствительнымъ осмѣяніемъ какъ Роланда, такъ и рыцарства вообще.

Послѣ Фоленго заслуживаетъ упоминанія въ числѣ поэтовъ, комически изображавшихъ рыцарство, Берни. Онъ обработалъ поэму Боярдо *Orlando innamorato* (окончилъ обработку въ 1531 г.; въ печати она явилась въ 1541 г.) не съ цѣлью пародированія, хотя вообще имѣлъ охоту къ насмѣшкѣ, а съ цѣлью сообщенія большаго изящества языку. Тотъ юморъ, который присущъ обработкѣ Берни, былъ впервые внесенъ въ изображение Роланда еще графомъ Боярдо ³⁾; Боярдова Роланда считаютъ одною изъ самыхъ смѣшныхъ фигуръ итальянской рыцарской поэзіи. *Orlando rifatto* Берни соответствуетъ духу времени, въ которое писалъ послѣдній. Между тѣмъ какъ Боярдо во многомъ близокъ еще къ средневѣковью, Берни въ большей степени выказываетъ себя человѣкомъ новаго времени. вмѣстѣ съ тѣмъ Берни нѣсколько обезцвѣтилъ лица, изображенныя Боярдо. У послѣдняго они тщательно охарактеризованы, Берни же сглаживаетъ отличія и водворяетъ нѣкоторое однообразіе.

Пьетро Аретино, пробовавшій свои силы въ различныхъ родахъ творчества, проявилъ двоякое отношеніе къ рыцарской эпопее ⁴⁾ и въ этомъ отношеніи отразилъ двойственность первой половины XVI вѣка и свое индифферентное, спекулянтское отношеніе къ литературѣ.

Вначалѣ онъ признавалъ (*Marfisa, canto I*)

Bell'onor, che n'acquista il secol nostro
Che rivolga l'istorie di Turpino,
E di lor canti con pregiato inchiostro
Ogni Spirito eccelso e pellegrino....

¹⁾ Оба эти произведенія написаны Фоленго еще въ началѣ его литературной дѣятельности въ Болоньѣ.

²⁾ Поэма *Orlandino* написана или вновь обработана въ 1525—1526 гг.; напечатана впервые въ 1527 г.

³⁾ Crescini (*Orlando nella Chanson de Roland e nei poemi del Bojardo e dell' Ariosto: Prognatore* 1880 и отдѣльный оттискъ) подтвердилъ выводъ Райны, по которому *Orlando innamorato*—лицо комическое, а *furioso* вновь становится героемъ серьезнымъ.

⁴⁾ О произведеніяхъ Аретино, имѣющихъ отношеніе къ рыцарской эпопее, см. въ статьѣ *Luzio*: «L'Orlandino di Pietro Aretino», помѣщенной въ № 6 (t. III) *Giornale di filologia romanza*.